Назаров Иван Александрович

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗА СУМАСШЕДШЕГО ДОМА В ПРОЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА

В статье рассматриваются различные интерпретации образа сумасшедшего дома в русской литературе на примере прозы Леонида Николаевича Андреева. Опираясь на опыт А. И. Герцена, Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Э. По, писатель обращается к социально-философскому осмыслению темы безумия. Пространство сумасшедшего дома в произведениях Л. Н. Андреева становится местом прозрения героев, выступает в качестве модели социума, является иллюстрацией к вопросу о границе между нормой и безумием.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/11/25.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (101). С. 84-86. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 821.161.1
Филологические науки

В статье рассматриваются различные интерпретации образа сумасшедшего дома в русской литературе на примере прозы Леонида Николаевича Андреева. Опираясь на опыт А. И. Герцена, Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Э. По, писатель обращается к социально-философскому осмыслению темы безумия. Пространство сумасшедшего дома в произведениях Л. Н. Андреева становится местом прозрения героев, выступает в качестве модели социума, является иллюстрацией к вопросу о границе между нормой и безумием.

Ключевые слова и фразы: феномен безумия; образ сумасшедшего дома; Л. Н. Андреев; Серебряный век; образ врача.

Назаров Иван Александрович, к. филол. н.
ГБУК г. Москвы «Музей М. А. Булгакова»
nazarov.postbox@gmail.com

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗА СУМАСШЕДШЕГО ДОМА В ПРОЗЕ Л. Н. АНДРЕЕВА©

Мотив безумия является одним из основополагающих в творчестве Л. Н. Андреева. В произведениях писателя прослеживается интерес к пограничным состояниям человеческой психики, символической фигуре героя-безумца, философской интерпретации «безумия мира». Оригинальным воплощением темы безумия становится образ сумасшедшего дома, встречающийся во многих произведениях Л. Н. Андреева.

Анализируя тему безумия на примере творчества Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и А. П. Чехова, Л. А. Сапченко делает вывод о значимости образа сумасшедшего дома в русской литературе XVIII-XIX веков [8]. Одной из главных особенностей темы сумасшествия в отечественной литературе является ее интерпретация в социально-философском аспекте. А. И. Герцен («Доктор Крупов», «Поврежденный») задается вопросом о безумии человечества; герои произведений Н. С. Лескова («Смех и горе», «Заячий ремиз. Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов»), оказавшись в сумасшедшем доме, осознают абсурдность устоев социума; М. Е. Салтыков-Щедрин («В доме умалишенных») максимально приближает обитателей клиники к обществу; Э. По («Система доктора Смоля и профессора Перро») обращается к вопросу о границе между нормой и безумием.

Герой рассказа Л. Н. Андреева «Мысль» доктор Керженцев задумывает убить своего друга и симулировать сумасшествие, чтобы избежать наказания. Совершив преступление, протагонист оказывается в психиатрической клинике, где подвергается экспертизе. Мотив безумия развивается в рассказе в контексте оппозиции «врач – пациент». Переход героя из категории врача в категорию пациента отмечен в творчестве различных художников: А. П. Чехова («Палата № 6»), М. П. Арцыбашева («Смех»), М. А. Булгакова («Морфий»). Л. Н. Андреев акцентирует внимание на соседях Керженцева (безумец, подражающий зверю, и помешавшийся актер), в которых герой узнает проявления своего «я». Соседи являются своеобразными двойниками протагониста и символизируют крайние стороны внутреннего мира Керженцева – животное начало и склонность к театральному поведению. «Зеркалом» героя становится и сиделка Маша (сумасшедшая, по мысли Керженцева), способная «отражать на своем лице выражение всех других лиц» [2, т. 1, с. 396].

Будучи врачом, Керженцев приходит к выводу о неизученности человеческой психики. Сначала герой приводит психиатрам аргументы, подтверждающие свой душевный недуг, а затем последовательно опровергает сказанное. Навязчивая мысль о собственном безумии, считает Керженцев, может посетить каждого человека, что выражается в метафоре: «Вы пили молоко и думали, что оно цельное, пока кто-то не сказал, что оно смешано с водой. И кончено – нет более цельного молока» [Там же, с. 418]. Н. В. Вавулин пишет, что грань между нормой и безумием отсутствует, поскольку состояние помешательства свойственно каждому индивиду в «виде скрытой (потенциальной) силы» [3, с. 68]. Значимым для Керженцева является факт внешней оценки безумия. М. Фуко подчеркивает, что статус безумца определяется «лишь в пространстве внешнего мира; определяющее для него соотношение с другими через последовательность объективных сопоставлений являет его всего, целиком, взору разумного субъекта» [9, с. 219]. Преимуществом психиатров герой считает их расположение вне больничной палаты и предлагает поменяться местами с представителем внешнего мира, профессором Држембицким, которого также можно рассматривать как одного из двойников протагониста.

Комментируя рассказ «Красный смех», Л. Н. Андреев писал: «Сумасшедший доктор мне кажется лучшим местом рассказа» [6, с. 245]. Символом утраты грани между нормой и безумием для доктора становится сцена драки в клинике – «они дрались, как здоровые. Понимаете, как здоровые!» [2, т. 2, с. 41]. Во время диалога с героем врач встает на руки и обращает к собеседнику «странный перевернутый взгляд» [Там же, с. 42], что символизирует безумное, «перевернутое» мировосприятие. Доктор рисует модель «безумного мира», в котором сумасшедший дом становится прообразом нового Отечества, а умалишенными объявляют тех, кто не утратил рассудка. Представлением о безумии как о новом типе нормы проникнута публицистика Л. Н. Андреева, посвященная октябрьскому перевороту 1917 года. В статье «S.O.S.» Россия представлена в образе огромного сумасшедшего дома, где врачи и пациенты поменялись местами. Символ перемен автор

© Назаров И. А., 2015

видит в появлении безумца нового типа – «человека, лишённого зрения и слуха, памяти и сознания, разума и воли, человека, страдающего нравственным умопомешательством, грязного и тупого» [1, с. 163].

Опираясь на опыт М. Е. Салтыкова-Щедрина и Э. По, в рассказе «Призраки» Л. Н. Андреев обращается к теме органического сосуществования нормы и безумия, что показано на примере сопоставления сумасшедшего дома и ресторана «Вавилон». Пациенты в рассказе приближены к здоровым людям; пространство дома умалишенных проникнуто домашней атмосферой: клиника похожа на дачу, больные одеты по-домашнему, катаются на коньках, задумываются о проведении товарищеских судов. Однако внешний вид героев – иллюзия, скрывающая душевную болезнь. Когда с кем-нибудь из больных случается припадок, то остальные как «заведенные куклы, которых сразу пустили в ход, начинали беспокойно расхаживать по своим комнатам, размахивать руками и громко болтать всякий бред» [2, т. 2, с. 75].

Действительность в восприятии каждого из героев представляет особый мир: Померанцев стремится к подвигу, Петров прячется от невидимых врагов, безымянный герой одержим идеей открытия дверей (Л. А. Иезуитова определяет в поведении безумцев три основных типа мировосприятия: романтико-оптимистический, пессимистический и бунтарско-героический [4]). В одном из писем Л. Н. Андреев пояснял, что счастливый в безумии Померанцев и охваченный манией преследования Петров держат «руль жизни в равновесии» [2, т. 2, с. 256]. Индивидуальность мировосприятия пациентов создает определенную гармонию в пространстве сумасшедшего дома, символом которой становится окно из разноцветных стекол в одной из комнат лечебницы.

Посетителей ресторана Л. Н. Андреев изображает похожими на пациентов: они говорят, слушая только себя, склонны к экспрессивному поведению. Атмосфера ресторана становится для завсегдатаев добровольным безумием, ощущая которое, они на короткое время чувствуют свободу и предаются мечтам. Однако «Вавилон» является мнимым спасением: тот, кто осознает это, погибает или лишается рассудка. Ложность данного пути подчеркивается в символическом названии ресторана. Анализируя особенности хронотопа рассказа, И. И. Московкина делает вывод об изоморфности ресторана и лечебницы: «Разница между обитателями этих миров относительна – все они по-своему поражены тихим сумасшествием» [7, с. 133]. По мысли писателя, в жизни каждого человека находится место безумию, странностям поведения, зависящим от личного мировосприятия, что подчеркивается в философском вопросе Померанцева: «странности, но кто из людей не имеет их?» [2, т. 2, с. 89].

Безумие как иное мировосприятие становится темой одного из нереализованных замыслов писателя. В письме к А. А. Измайлову автор размышляет о фабуле рассказа: «А не представляете Вы себе такого случая (я намерен воспользоваться им для рассказа): сумасшедшие, находящиеся в больнице, внимательно наблюдают врача, в его поступках и способе мыслить находят резкое несоответствие со своими, искренне хохочут, когда доктор вдруг идет через дверь, а не лезет через окно или трубу – и приходят к выводу, что он сумасшедший. Довольно занятная комбинация, которая и в жизни, несмотря на свой патологический характер, встречается чаще, чем можно подумать!» [Цит. по: 5, с. 55].

В романе «Дневник Сатаны» вочеловечившийся герой обращает внимание на бедность человеческого языка, его неспособность выражать мысли и чувства. Мотив невыразимости мысли, характерный для писателей XIX века, связан в произведении с темой сумасшествия – настоящими философами и мыслителями, по мнению Сатаны, являются те, кто попытался обратиться к невыразимому, познал истину и впоследствии оказался в доме умалишенных: «необыкновенное на языке твоего ворчания невыразимо. Если не веришь Мне, сходи в ближайший сумасшедший дом и послушай тех: они все познали что-то и хотели выразить его» [2, т. 6, с. 123].

Состояние безумия в сознании героя связано с железнодорожной катастрофой: «Ты слышишь, как шипят и вертят в воздухе колесами эти свалившиеся паровозы, ты замечаешь, с каким трудом они удерживают на месте разбегающиеся черты своих изумленных и пораженных лиц?» [Там же]. Образ поезда занимает в творчестве Л. Н. Андреева особое место – он обладает автобиографическими чертами («Весной», «Младость»), символизирует стремительность течения жизни («Исповедь умирающего», «Рассказ о Сергее Петровиче», «Два письма»). Перевернувшийся поезд, соотносимый героем с судьбой безумцев, подразумевает внутренний надлом, определяющий дальнейшую жизнь как иллюзию движения («вертят в воздухе колесами»), пребывание вне бытия (вне проложенных рельс); образ сумасшедшего дома становится прообразом одной из возможных (конечных) остановок в жизни человека.

Таким образом, пространство сумасшедшего дома получает различное осмысление в творчестве Л. Н. Андреева. Опираясь на опыт писателей-классиков XIX века (А. И. Герцен, Н. С. Лесков, А. П. Чехов, Э. По), автор обращается к социально-философскому осмыслению темы безумия. Образ сумасшедшего дома в творчестве Л. Н. Андреева становится пространством, где герои прозревают, рассматривается в контексте вопроса о границе между безумием и нормой, иллюстрирует проблему «безумия мира» как символ утраты нормы.

Список литературы

1. **Андреев Л. Н.** «Верните Россию!»: сборник / сост. И. Г. Андреевой, послесл. и коммент. В. Н. Чувакова. М.: Московский рабочий, 1994. 268 с.
2. **Андреев Л. Н.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1990.
3. **Вавулин Н. В.** Безумие, его смысл и ценность: психологические очерки. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. 224 с.
4. **Иезуитова Л. А.** Леонид Андреев и литература Серебряного века: избранные труды. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. 738 с.
5. **Козьменко М. В.** Рассказ Леонида Андреева «Проклятие зверя»: символико-культурный и экзистенциальный аспекты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 1. С. 52-57.
6. **Максим Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка** / Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР; ред.: И. И. Анисимов (гл. ред.), Д. Д. Благой, А. С. Бушмин и др. М.: Наука, 1965. 630 с.

7. **Московкина И. И.** Между «PRO» и «CONTRA»: координаты художественного мира Леонида Андреева. Харьков: Харьков. нац. ун-т им. В. Н. Каразина, 2005. 287 с.
8. **Сапченко Л. А.** Сумасшедший дом в произведениях русской литературы: от Карамзина – к Чехову // Вопросы литературы. 2002. № 11/12. С. 342-356.
9. **Фуко М.** История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. К. Стаф. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2010. 698 с.

ON THE PECULIARITIES OF THE IMAGE OF MADHOUSE IN L. N. ANDREYEV'S PROSE

Nazarov Ivan Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
State Budgetary Institution of Culture "Mikhail Bulgakov Museum" in Moscow
nazarov.postbox@gmail.com

The article discusses various interpretations of the image of madhouse in Russian literature by the example of Leonid Nikolaevich Andreyev's prose. Basing on A. I. Herzen's, N. S. Leskov's, M. Ye. Saltykov-Shchedrin's, E. Poe's experience the writer refers to the social-philosophical reflection of the theme of madness. The space of madhouse in L. N. Andreyev's works becomes a place of the characters' insight, serves as a model of society, as an illustration for the issue of border between normality and madness.

Key words and phrases: phenomenon of madness; image of madhouse; L. N. Andreyev; Silver Age; image of doctor.

УДК 1(091)
Философские науки

В статье раскрываются и анализируются «математические начала» «натуральной философии» И. Ньютона. Большое внимание уделяется осмыслению методологических аспектов ньютонианского мировоззрения. В заключение автор воспроизводит логику «математического» аргумента И. Ньютона, признающего бога условием космофизического порядка и гарантом достоверного познания. По сути дела, перед нами «авторский» вариант телеологического доказательства, апеллирующий к математической гармонии и геометрической целесообразности универсума.

Ключевые слова и фразы: бог; истина; математика; опыт; универсум; физика.

Никулина Анжелика Геннадьевна, к. филос. н.
Курский государственный медицинский университет
angelica2301@mail.ru

«МАТЕМАТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ» ИСААКА НЬЮТОНА©

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018а1 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

Механико-математическое мышление И. Ньютона вдохновлялось стремлением обнаружить *principia mathematica* – несомненные, достоверные и незыблемые «принципы», или «математические начала», на основании которых функционирует мировой универсум. Он был уверен, что этой цели можно достичь эмпирическим путём, только на основе соответствующих научных опытов. Очевидно поэтому свою научную программу И. Ньютон именует «экспериментальной философией», тем самым ещё раз акцентируя внимание на главенствующей роли эксперимента в познании «книги природы». Он утверждает, что в «натуральной философии», то есть физике, допустимы только такие предположения, которые могут быть выведены из фактов и экспериментов логико-дедуктивным способом. «Всё же, что не выводится из явлений, должно называться гипотезою, гипотезам же метафизическим, физическим, механическим, скрытым свойствам не место в экспериментальной философии» [1, с. 662]. Таким образом, гипотезы ввиду их субъективного и правдоподобного характера отвергаются учёным как фикция (в смысле платоно-аристотелевского *δόξα* – «ненадёжное мнение»). Именно в таком идейном горизонте следует понимать знаменитую сентенцию И. Ньютона: *«Hypotheses non fingo».* Следовательно, из эвристической структуры научного знания элиминируется гипотетический компонент. Он считал, что только математическое конструирование, а также предметное и мысленное экспериментирование способно обеспечить достоверное познание универсума.

В работе «Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света» И. Ньютон разрабатывает парадигму исследующего ума: «Анализ проблемы состоит в производстве опытов и наблюдений, извлечении общих заключений из них посредством общей индукции и недопущении иных возражений против заключений, кроме полученных из опыта или других достоверных истин» [2, с. 314]. Итак, философ в качестве достоверного источника знания и познания постулирует научный опыт, который в механико-математическом естествознании приобретает статус методического эксперимента. Только те заключения, утверждает И. Ньютон, которые получены в ходе подобного рода познавательной процедуры, могут претендовать на звание незыблемых

© Никулина А. Г., 2015